

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА САМООБЛОЖЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ 1920 Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)²**

В статье на материалах Северо-Запада России анализируется правовая природа самообложения общинного крестьянства в 1920-е гг., которое являлось важнейшим элементом общинного самоуправления. Сделан вывод, что в конце десятилетия оно было включено в государственную бюджетную сферу.

Ключевые слова: община, самообложение, крестьяне, государственная фискальная система.

С введением в жизнь Земельного Кодекса 1922 г. крестьянская община получала наименование земельного общества и право юридического лица. Несмотря на законодательное переоформление сельского общества в земельное, большая роль в русской деревне 1920-х гг. по-прежнему принадлежала общине. На Северо-Западе России в ее пользовании на тот момент находилось 65–75 % всех крестьянских земель [2, с. 108]. Несмотря на попытку законодателей свести деятельность крестьянской общины к пользованию земельными угодьями, земельное общество в северо-западной доколхозной деревне по всем параметрам своей деятельности представляло собой типичную (хотя и обновленную) мирскую организацию крестьян-единоличников, решавшую, как и прежде, многочисленные проблемы, возникающие в повседневной практике крестьянского общества [2, с. 117].

Для полноценного функционирования крестьянской общины необходимо было достаточное финансирование, поэтому высший распорядительный орган земельного общества – сельский сход – регулярно принимал решения о сборе денежных средств для удовлетворения собственных нужд, т.е. решения о проведении самообложения. Распространенность самообложения в северо-западной деревне начала 1920-х гг. определялась, в первую очередь, сохранявшейся силой мирских традиций. Несомненно, сказывалась и нехватка средств, отпускаемых сельсоветам на сельские нужды из вышестоящих бюджетов. Находящиеся же в распоряжении земельного общества денежные средства были достаточными и считались весьма внушительными.

¹ Алиева Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, гада510@rambler.ru, Россия, г. Псков.

² Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-60001) и Государственного комитета Псковской области по культуре.

Средства, поступавшие от самообложения, были целевыми, поэтому единицы самообложения зависели от целей сбора: «с трубы», «с коровы», «с души» и пр. Цели самообложения охватывали все многообразие функций крестьянской общины: крестьяне без особых возражений «скидывались» на расходы по землеустройству, на оплату ночному сторожу, полевому сторожу, пастухам, церковным сторожам, церковному причту с попом, на помещение для проведения сельского схода и канцелярские расходы, на содержание общественного быка и т.п. Тратились собранные по собственной инициативе крестьян средства не только на свои нужды, но и на нужды сельсоветов, вплоть до уплаты его долгов. Так, в деревне Витка Трубичского сельсовета Новгородской губернии было собрано 535 руб. на основе самообложения на целевые нужды земельного общества и 54 руб. от продажи быка и аренды пашни. Из полученных средств были оплачены услуги ночного сторожа, трубочиста, лесного сторожа, выдана зарплата уполномоченному сельскому совету, покрыты долги прежнего сельсовета и отложены деньги на содержание быка³. Такого рода расходы носили самостоятельный характер [1, с. 24], считались вполне естественными и нареканий со стороны крестьянства не вызывали. Э. Карр весьма доходчиво разъяснил суть самообложения: «Русское понятие «самообложение» говорит о собственной инициативе общества, в то время как слово «налог» указывает на сборы по распоряжению правительства» [3, с. 426]. Таким образом, самообложение было традиционным, органически присущим крестьянской общине способом удовлетворения управленческих, хозяйственных и культурных потребностей деревни.

29 августа 1924 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд», которое утверждало законный характер самообложения и подчеркивало его проведение исключительно на началах добровольного соглашения граждан, что лишний раз доказывает первоначально демократический характер инициативы по сбору средств крестьянами для решения конкретных вопросов местного значения. Постановление содержало норму о необязательности выплат по самообложению для тех, кто за такое решение не голосовал. Однако из примечания к его п. 2 следовало, что «если постановление о самообложении принято законно существующей организацией, имеющей право по своему уставу или положению о ней облагать своих членов сборами на удовлетворение местных общественных нужд, то вопрос об обязательности постановлений организации для тех ее членов, которые не участвовали в голосовании или голосовании против принятого постановления, разрешается на основании устава организации или положения о ней»⁴.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 6. Д. 214. Л. 26.

⁴ СЗ СССР. 1924. № 6. Ст. 69.

Исходя из того, что община была законно существовавшей организацией, решение ее сельского схода было обязательным для исполнения гражданами земельного общества и «никто не имел права изменить или отменить постановление схода, если оно соответствовало закону» [2, с. 116]. Отдельные крестьяне, несогласные с решением сельского схода обязаны были либо подчиниться его решению, либо разрешать возникшее противоречие в судебном или предусмотренном уставом соответствующего общества порядке. Участие местных финансовых и административных органов, в том числе и волостных (районных) и сельских советов, в проведении самообложения и в производстве взыскания взносов, причитающихся с отдельных граждан в порядке самообложения, воспрещалось. Роль административных органов ограничивалась по закону лишь регистрацией решений сельских сходов, что на практике часто не соблюдалось.

Однако уже менее чем через три года — 24 августа 1927 г. — Постановлением ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения» фактически вводилось обязательное самообложение для всех граждан селения. Помимо обязательности, данное постановление предусматривало сбор и расходование собранных средств не крестьянами, а сельскими советами. Пункты 5, 6, 7 и 9 данного постановления демонстрируют законодательное усиление роли сельсоветов в деревне⁵. Документ подтверждает тенденцию к использованию самообложения в качестве важного средства дополнительного налогообложения крестьянства и утрате черты добровольности и принципа демократизма в самообложении.

Данная тенденция получила продолжение после принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. «О порядке самообложения населения»⁶. В общих чертах повторяя текст предыдущего документа, новое постановление предполагало объединение усилий нескольких населенных пунктов в решении проблем местного значения, видимо, законодательно фиксируя существующую практику, поскольку близ расположенным деревням было выгодно солидарно оплачивать, например, создание пожарной дружины. Более того, в нем появляются категории граждан, которые могли быть освобождены от самообложения или получали льготы. Это положение не только вводило классовый принцип самообложения, но и отвергало на законодательном уровне принцип уравнительности, которого придерживались сельские сходы при раскладке сумм самообложения.

Опыт проведения самообложения заставил законодательно прописать и сроки при проведении процедуры, поскольку в сводках по проведению кампании по самообложению на Северо-Западе отмечалось,

⁵ СЗ СССР. 1927. № 57. Ст. 509.

⁶ СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73.

что даже в случае принятия положительного решения на сходе сбор средств чрезвычайно растягивался во времени. Таким образом, уже к началу 1928 г. четко просматривается усиление в законодательстве о самообложении принципов, характерных для общей системы налогового обложения деревни: прогрессивности и подоходности налога, а также дифференцированного подхода к различным социально-экономическим группам крестьянства.

Для придания «добровольным сборам» окончательного налогового характера решением коллегии НКФ СССР руководство делом самообложения было передано в налоговое управление наркомата финансов. Постановлением от 10 января 1928 г. общий размер самообложения устанавливался не свыше 35 % общей суммы сельхозналога конкретного села, подлежащей реальному получению (за вычетом льгот и скидок). Предел размера самообложения от причитающейся суммы сельхозналога не являлся окончательным и в тех случаях, когда общим собранием выносилось постановление провести самообложение в сумме, превышающей 35 % сельхозналога, губисполкому было предоставлено право по ходатайствам, возбужденным сельсоветами в инстанционном порядке повышать эту сумму.

В рамках рассматриваемого периода по вопросам самообложения было принято еще одно Постановление ВЦИК и СНК РСФСР – 2 сентября 1929 г.⁷ Оно расширило категорию льготников при раскладке самообложения, четко прописало процедуру взимания денежных средств, связав ее с уплатой единого сельскохозяйственного налога, а также увеличило размер самообложения до 50 % от суммы сельхозналога, приходящегося на конкретное селение.

Несмотря на столь скорую трансформацию добровольных разовых платежей граждан, осуществляемых для решения конкретных вопросов местного значения, в установленный государством обязательный платеж в казну, со стороны властей продолжались попытки позиционировать навязываемое самообложение как добровольный почин сельского населения, что вызывало праведный гнев крестьянства⁸. Общие собрания отказывались от проведения самообложения; принимали решения о проведении самообложения в трудовой форме; вместо прогрессивного принципа самообложения устанавливали принцип уравнительного взимания денежных средств. При этом принципы разверстки были различными: «с едока», «со двора», «с десятины»; стремились снизить размеры самообложения до 5–10 % от суммы сельскохозяйственного налога, вместо установленных 35 %⁹. Были, однако, и

⁷ СУ РСФСР. 1929. № 68. Ст. 665.

⁸ Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО). Ф. 128. Оп. 1. Д. 30. Л. 23; Д. 330. Л. 91; Ф. 3. Оп. 1. Д. 581. Л. 2, 7, 8; Д. 179. Л. 79; Д. 396. Л. 8.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 581. Л. 2, 7, 8; Д. 179. Л. 79; Д. 396. Л. 8.

исключения. Так, на сельском сходе граждан селений Каравашка и Пола Польского сельсовета Польского района Новгородского округа Ленинградской области 28 февраля 1929 г. было принято постановление следующего содержания: «Закон о самообложении одобрить и стремиться к его осуществлению путем оказания райисполкому материальной и трудовой помощи в деле культурного строительства»¹⁰.

Однако сам факт того, что кампании по самообложению стали своеобразным рычагом давления на общину и носили характер внеэкономического отчуждения крестьянской собственности в пользу государства, провоцировал протестные выступления крестьян. Крах первых кампаний по самообложению партийные органы связывали с плохой предварительной подготовкой и отсутствием разъяснений. Для того чтобы последующие кампании проходили более успешно, были составлены специальные памятка и наказ уполномоченным по проведению самообложения¹¹.

Возмущение налоговой политикой было обусловлено не только резким сокращением накоплений у крестьянского населения, затруднявшим расширение сельскохозяйственного производства, повышение его товарности¹², но и представлениями общинного крестьянства о справедливости. Недовольство крестьян вызывал сам принцип государственной регламентации налоговых сборов. Против самообложения, проводимого по инициативе самих сельских сходов, крестьянство не выступало, так как все предполагаемые статьи расходов обсуждались всем миром, а сумма делилась по наличным в общине дворам. К тому же окладной сбор, как его называли крестьяне, шел на собственные нужды общины, т.е. на пользу каждому из ее членов. Таковым было понятие справедливости у общинного крестьянства. Насаждаемая государством налоговая политика не вписывалась в эту систему ценностей. В пользу этого аргумента можно привести такой пример. В августе 1927 г. сильнейшее недовольство кампанией по налогообложению и распределением земель под пашню и покос охватило до трехсот крестьян д. Финев Луг Селогорской волости Новгородского округа. Крестьяне заявили, что «не знают, куда идут их деньги, и не видят пользы для своей деревни»¹³.

Итак, вплоть до середины 1927 г. самообложение являлось важнейшим элементом общинного самоуправления в деревне. С утверждением «налогового» принципа раскладки оно было включено в государственную бюджетную сферу, а община отстранена от исчисления, раз-

¹⁰ ГАНПИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 537. Л. 176.

¹¹ Там же. Л. 16а; Д. 581. Л. 74.

¹² Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11. Л. 10, 13.

¹³ ГАНПИНО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 790. Л. 105–106.

верстки и сборов по самообложению, окончательно превратившемся в один из элементов государственной фискальной системы. Таким образом, самообложение, будучи в своей основе реализацией добровольной инициативы снизу, на протяжении 1920-х гг. трансформируется в налоговый платеж, инициируемый сверху и носящий, как и всякие фискальные повинности, принудительный характер

Литература

1. *Беркутов А.А.* Самообложение в прямых налоговых платежах крестьянства во второй половине 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5. Ч. 1.
2. *Данилов В.П.* Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976.
3. *Карр Э.* История Советской России. Кн. 6. Социализм в одной стране. 1924–1926. Т. 2. М., 1989.